

**ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА,
СОСТАВЛЕННАЯ КНЯЗЕМ А.Г. ГАГАРИНЫМ**

в апреле 1907 года, ввиду привлечения к уголовной ответственности по статье № 341,
за бездействии власти: директора, деканов, профессора — заведующего студентами
и его помощника по делам общества

В Санкт-Петербургском оружейном заводе, по-видимому, обратил на себя внимание государя и министров, когда в 1898 году представил записки, в которых с цифрами в руках доказывал, что перевооружение полевой артиллерии следует вести на казенных заводах, потому что армия останется казна, мастерские и станки все и, наконец, у казны останется сформированный штат мастеровых, умевших делать пушки. Этими записками и разбудил спящих, вопрос о перевооружении окончил, моя мысль была принята, Оружейный завод получил большие заказы, казенные горные заводы сделали до трех миллионов шрапнелей для первоначального контракта по четыре рубля семидесять копеек вместо одиннадцати рублей, за которые Артиллерийский комитет хотел выдать заказ Путиловскому заводу (экономию на одной шрапнели сразу получалась 18,6 миллиона рублей), но главное: в японскую войну у нас были полевые пушки. Все это дело перевооружения артиллерии совершалось в секрете и до публики не дошло.

В 1899 году со мной познакомился Витте, говорил со мной об оборудовании этих мастерских и вдруг в ноябре предложил мне сделаться директором учреждаемого Санкт-Петербургского Политехнического института. Фундаменты двух учебных зданий и двух общежитий были возведены и уже в это время многие говорили Витте, что общежитие — это улей, с которым трудно будет справиться и что лучше предоставить частной предприимчивости дачевладельцев удовлетворение жилищной нужды студентов. Но Витте оказалась тверда и потом настоял и на постройке еще Третьего общежития, по-видимому, полагая, что институтский надзор освобождает Министерство внутренних дел от необходимости в заметном полицейском надзоре за студентами.

Отношения мои с Витте были чисто официальные и совершенно прекратились, когда он

А.Г. Гагарин

в 1904 году перестал быть Министром финансов и совершенно остался от института. Писать об этом, потому что многие из вражды к Витте желают для Политехникуму.

При выработке положения об институте со стороны лиц, его выработавших, все усилия были приложены к тому, чтобы сделать институт автономным. С другой стороны, наверно очень уже беспокоились по поводу возникавшего института. Институт еще только строился, в нем еще ни одного студента не было, работало только Собрание директора и деканов (Менделеев, Посников, Боклевский, Шателен и я), и уже в начале февраля 1902 года предложено было дать институту военную организацию, меня сделать генералом, а деканов полковниками. Решение, однако, по этому делу мне было сообщено до приведения его в исполнение. Я внес его на Собрание деканов и результатом получилось следующее мое письмо:

М.Ф.

Директор
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
13 февраля 1902 года.

Копия

Его превосходительству господину
Министру финансов

“Вашему высокопревосходительству угодно было поручить мне выработать проект организации института, при котором можно было бы не опасаться студенческой волнений и обсудить меры, которые для этой цели могут быть предложены.

1. Организовать Политехнический институт по образцу военно-учебных заведений.

2. Заменить в институте обычную гражданскую инспекцию военной, сохранив в остальном проектированную Положением об институте организацию.

3. Изменить организацию инспекции, проектированную Положением, оставив ее гражданской.

Кроме того,

4. Ввиду происходивших в настоящее время студенческих волнений отложить открытие института с осени 1902 года до полного успокоения волнений.

После самого тщательного рассмотрения этих мер я приложу к следующим заключениям:

1. Едва ли можно надеяться, чтобы организация института по образцу военно-учебных заведений способствовала спокойствию студентов. Состав будущих студентов Политехнического института будет значительно различаться от состава воспитанников военно-учебных заведений как по количеству, так и по их подготовке. В военно-учебные заведения поступают лица, получившие среднее образование в специальных военных школах, привыкшие с детства к военной дисциплине, по большей части принадлежавшие к военным семьям и, главное, готовившиеся к военной службе, в которой строгая дисциплина имеет огромное значение. Все воспитанники во время своего пребывания в заведении считаются на службе и пользуются полным содержанием. Определенное служебное положение обеспечено каждому из этих лиц по окончании курса. Совершенно в другом положении будут студенты Политехнического института. Во-первых, в институт поступать будут молодые люди всех сословий и состояний, окончившие разные средние школы, нередко различающиеся по своим воспитательным приемам, имеющим вообще мало общего с приемами, применяемыми в кадетских корпусах. Строгое требование соблюдения военной дисциплины от таких молодых людей может невольно повести к возникновению множества мелких проступков, взыскание за которые подает повод к волнениям. Угрозою суровых наказаний едва ли можно будет успокоить эти волнения. Очень важное обстоятельство, отличающее Политехнический институт от военно-учебных заведений, состоит в том, что лица, окончившие институт, не будут обеспечены государственной службой и в огромном большинстве должны будут искать место в частной промышленности, где требуются совсем иные качества, чем для военной службы; а потому едва ли возможно будет требовать от студентов охотного подчинения военной дисциплине, которая в последующей практической их жизни не найдет применения. Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что при военной организации института могут встретиться большие затруднения в прискании профессоров для всех отделений, так как многие профессора затруднятся работать при непривычном для них режиме. Наконец, необходимый при военной организации интернат для всех студентов института потребует от казны громадных одновременных и ежегодных затрат.

Все эти соображения заставляют меня прийти к заключению о нежелательности введения в институте организации наподобие организации военно-учебных заведений.

2. Предложение ввести в институте военную инспекцию, оставив ему в остальном обычную организацию, ведет к совмещению двух разнородных организаций, что вызывает самые серьезные опасения. Едва ли возможно так регламентировать права и обязанности военной инспекции и всей остальной гражданской администрации института, чтобы между последней и инспекцией не возникало недоразумений; всякое же недоразумение между начальством института, профессорами и инспекцией, несомненно, сейчас же отзовется на отношениях студентов к ним и в известных случаях подает повод к волнениям. Конечно, военная инспекция в чисто военных учебных заведениях обеспечивает вполне порядок; но уже в учебных заведениях хотя военных, но с циклом наук не военных она недостаточна для поддержания порядка, как это показывает пример Военно-медицинской академии, а в гражданском учебном заведении она окажется прямо несостоятельной. Наконец, нельзя не обратить внимания и на то, что организация военной инспекции в гражданском высшем

учебном заведении была бы первым опытом учреждений подобного рода, который нежелательно производить в институте с большим числом слушателей.

3. Переходя затем к вопросу, какова должна быть организация инспекции для того, чтобы она могла наступить образом способствовать правильному течению студенческой жизни, и приходу к глубокому убеждению, что роль инспектора, прежде всего, должна быть воспитательная, а не полицейская, существующая в настоящее время в университетах. Инспекция есть учреждение, преследующее чисто полицейские цели, а потому и отношения между студентами и членами инспекции возникают исключительно на почве формального надзора инспекции за внешним порядком в университете. Опыт показал, насколько такая организация мало удовлетворительна. Для изменения этой бесцельной системы, вовсе не гарантирующей спокойного течения академической жизни, инспекторские обязанности, разумея под ними воспитательное значение, следовало бы возлагать не на лицо, постороннее коллегии преподавателей, а непременно на одного из профессоров, который должен считаться помощником директора и его заместителем. При передаче коллегии профессоров инспекторских функций и при введении студенческой организации все сношения между студентами и инспекцией будут вестись через представителей студенчества, а потому и значительно число помощников инспектора надобности не встретится. Для чисто внешнего надзора за чистотой, соблюдением правил о некурении и т. п. достаточно будет простых служителей. При подобной организации инспекции можно надеяться, что между членами ее и студентами не будет тех нежелательных отношений, которые наблюдаются теперь в университетах и других высших учебных заведениях, и тогда инспекция, имея органическую связь с профессорской коллегией, получит в глазах студентов авторитет, необходимый для благотворного воспитательного влияния. Однако для того, чтобы можно было надеяться на полное спокойствие студентов, недостаточно только ввести организационную по вышесказанному образцу инспекцию, необходимо еще добиться того, чтобы студенты с любовью и интересом занимались наукой. Этого, казалось, можно бы достичь, дав студентам уже с первого курса возможность под руководством компетентных преподавателей работать самостоятельно, дабы они были заинтересованы в результате работы. В Политехническом институте его учебными планами и предположено именно поставить соответственным образом упрощенные и практические занятия, на которые отводятся значительное число часов. Профессора и преподаватели, руководя занятия студентов, будут в течение большей части дня находиться с ними в сношениях и между слушателями и ними не будет наблюдаться той отчужденности, которая замечается теперь. Кроме того, профессора всегда по успешности самостоятельных занятий студентов, по степени участия их в практических работах будут иметь возможность судить о правильности хода преподавания и в случае нужды могут немедленно направлять его надлежащим образом.

При осуществлении вышеназванных условий, я убежден, можно надеяться, что в самом институте не будет причин для возникновения волнений, но, разумеется, и тогда нельзя быть уверенным, что волнения не могут быть занесены извне, под влиянием причин, ничего общего с педагогической деятельностью института не имеющих. Когда профессора не привлечены к воспитанию молодежи, когда инспекция ограничивается исправлением полицейских обязанностей, тогда студенты, не имея опоры, легко подвергаются внешним дурным влияниям тайных кружков. При предлагаемой воспитательной инспекторской службе профессоров эти дурные влияния встретят серьезный отпор.

4. Переходя, наконец, к вопросу открытия института, нельзя не высказать мнения, что необходимо немедленно утвердить Положение об институте, и чтобы открытие его было в сентябре 1902 года, как это было решено ранее. Одно предположение о возможности беспорядков в 1902/1903 академическом году едва ли может служить серьезным препятствием к тому, чтобы отложить на неопределенное время функционирование в высшей степени полезного учебного заведения, равно ничем не поминного в происходящих ныне студенческих волнениях. Такое замедление в открытии института не представляет из себя меры, направленной к успокоению студенческих волнений (беспорядков), скорее может произвести прямо противоположное действие: оно может даже внушить тем

студентам, которые добиваются закрытия всех учебных заведений, мысль, что открытие института откладывается под влиянием страха перед их успешной агитацией. Желательность немедленного утверждения Положения об институте вытекает из того, что до его утверждения невозможно приглашение профессоров, так как едва ли найдутся преподаватели, которые согласятся поступить в институт, не зная, при каких условиях им придется работать, а без предварительного приглашения профессоров невозможно своевременное открытие института.

Решение отложить открытие Политехнического института могло бы тяжело отразиться на интересах не в чем не повинного подрастающего поколения, значительная часть которого в настоящее время при неадекватности учебных заведений не имеет доступа к высшему образованию и, вынужденная остановиться как бы на полдороге, разочарованная в самых лучших своих надеждах, поневоле переходит в ряды граждан, не к какой полезной деятельности не подготовленных.

Считая себя обязанным высказать мое искреннейшее убеждение по поводу предложенных мер, я позволяю себе в заключение представить вашему перед вашим высокопревосходительством об исходатайствовании утверждения Положения о Санкт-Петербургском Политехническом институте в том виде, в котором оно было представлено, согласно мнению большинства членов Государственного Совета.

Подписал: директор института князь А.Г. ГАГАРИН

Итак, еще до начала занятий обе стороны — и верховная власть и институтское правление — высказались. Институт был признан правым, с его доводами по всем правитель-

ство согласилось. Дальнейшая история доказывает, что институт до сих пор держался строго высказанных тогда взглядов на роль инспекции, а потому правление и меня следует теперь винить за польшейское бездействие власти, приведенное в записке 13 февраля 1902 года, а правительство за то, что оно согласилось на наши доводы еще до появления студентов в строящемся институте и за то, что тогда нас не устранило.

В Положении пришлось делать уступки, и в нем остались пункты о назначении директора государем, а деканов, профессоров и инспектора — Министром финансов. На деле же Витте, пока Совета не было, старался лишь убедиться, представляет ли собой достаточно научный авторитет лично, представляемое ему в составе учебного персонала. Когда Совет состоялся, Витте утверждал все его представления. Витте, а за ним и другие министры, допрашивал в институт таких силы, которые раньше были известны из России за "неблагонадежность". Попав в институт, эти лица трудом и научным авторитетом сохранили свое заслуженное имя. Эти лица явились очень консервативными и стойким элементом в Совете института. Их предшествующее знание доказывает, насколько предложение польшей применительно к ним ошибочно и неправильно. Всеми ими институт гордится, и самые правые элементы правительства должны ратовать их принадлежностью к институту. Один из них, М.М. Ковалевский — теперь в качестве члена Государственного Совета был принят его величеством на аудиенцию и с ним его величество многократно беседовало.

С самого начала и считал и вел себя как слуга учреждения, которого был поставлен начальником. Вот первое мое обращение к студентам.

На подписание Соборникам ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ дружю названому „Витте по-тому“.
2 мая 1902 года
въ Царском Селѣ.
Вѣрно
Членъ Собора Министръ Финансовъ,
П. в. Управляющій Учебнымъ Отделомъ.
И. Анохин.

Положение

о Санкт-Петербургском политехническом институте,

1. Постановление об учреждении.

1. Санкт-Петербургский политехнический институт есть высшее учебное заведение. Онъ разделяется на четыре отделения: инженерно-строительное, конструкторско-механическое, агроинженерное и паровозостроительное.

2. Средства института состояли: 1) суммы, отпущенная на его содержание изъ государственнаго казначейства, по плану; 2) суммы, образуемая изъ капиталовъ, жертвуемыхъ на нужды института или изъ содержания спонсоровъ; 3) сборы за учение; 4) сборы за выдаваемые отъ института дипломы и свидетельства; 5) доходъ отъ продажи билетовъ, выдаваемыхъ институтомъ, а также доходъ отъ продажи билетовъ и за пользование работъ изъ учебно-исследовательскихъ учреждений института, и 6) платы за пользование оборудованиемъ.

3. Сборы и доходы, означенные въ п. 2—6 предыдущей (2) статьи, составляютъ спеціальныя средства.

Первая страница

“Положение о Санкт-Петербургском Политехническом институте”

Первая речь князя А.Г. Гагарина студентам, произнесенная при открытии Политехнического института 2 октября 1902 года.

"Милостивые государи!

Волею государя императора, столь чуткого к стремлению молодежи приобретать высшее техническое знание, основан сей Политехнический институт. Его величеству благоугодно было назначить меня вашим директором, и потому я обращаюсь к вам с несколькими словами, чтобы пояснить вам мои взгляды на наше дело. Наша школа даст вам прочно приобретенное знание. Через четыре года вы будете ценные носители во многом нового света. Вот редкие, благоприятные условия, в которые вы попали. Будьте же на высоте их. Постоянно держите себя с достоинством и постарайтесь внушать к себе уваже-

нию без остатка. Отдавайтесь этому увлечению всей душой, его будет достаточно для того, чтобы в стенах заведения не отдавались другим течением, чуждым его целям. Не упускайте ни одного случая, чтобы учиться, пока вы находитесь здесь в обстоятельствах, которые никогда в жизни не повторятся. Только при этих условиях вы разовьете свою личность, приобретете знание и умение и тем самым обещаете в будущем сделаться хорошими и полезными общественными деятелями России. Путь ваш трудный и ответственный. Не один раз в жизни придется вам почувствовать на себе его тяжесть. Но не падайте духом, а упадете, то встаньте и скорее восстановите должную энергию. Вы первые. При нашем участии будут устанавливаться традиции нашего института. Постарайтесь же, что-

Совет Санкт-Петербургского Политехнического института, 1902 год. Сидят (слева направо): В.В. Скобелевич, М.А. Шателен, А.Г. Гагарин, В.Н. Ковалевский, А.С. Посняков, Н.А. Менделеев, К.П. Бокласский.

Стоят ... , Ф.Ю. Ленинков-Лессинг, В.Н. Ставнич, И.И. Иванов, И.И. Никитков, А.А. Рижовский, И.М. Гревс, А.С. Ломанков, ... , Н.С. Курдюков, Н.В. Мещерский

ние и доверие. Главное, работайте, работайте на совесть, не покладая рук, и возможно прочно и глубоко усваивайте избранные вами специальности. Будьте прилежны теперь, приучайте к работе ваш мозг, пока он легко приспособляется, и хорошая привычка останется у вас на всю жизнь. Науки наши живые, увлекательные. Увлечение ими способно поглотить всю вашу энер-

гию он достойно и устойчиво вошел в семью своих старших братьев. Чтобы жизнь его протекала правильно, вы должны быть сознательно дисциплинированы внутренней дисциплиной.

Следуйте правилам института и указаниям мозги и профессуры. Обращайтесь к нам без стеснения при всяких затруднениях. В нас вы всегда найдете оплот и помощь".

— Приведенные выше причины в совокупности делают то, что институт с самого основания был поставлен автономно и с самого начала управлялся коллегиально (Советом, Правлением). Власть директора, указанная в Положении, сводилась к исполнению постановлений. И тут, конечно, многое, но далеко не все, зависело от инициативы директора. Новые, молодые профессора, из которых некоторые вступали в Совет с легким сердцем, быстро приходили к сознанию ответственности за сохранность института. Ценность такого Совета вполне обнаружилась, когда в Рос-

сии обострилось революционное движение и когда те справа, те слева стали появляться все усиливавшиеся волны, стремившиеся нарушить порядок в академических занятиях. Профессора, как могли, отстаивали жизнь и обучение юношей от волнений, кто бы их ни вызывал. До японской войны на Руси, а в частности в институте, было тихо. Были проступки против нравственности, которые карались.

На политической почве были только мелкие непорядки, в которых свидетельствуют следующие бумаги:

М.Ф.

Директор
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА,
Санкт-Петербург.
7 декабря 1902 года.

Копия

Его высокопревосходительству
господину Министру финансов
Сергею Юльевичу Витте

«Ваше высокопревосходительство поручили мне и Правлению института произвести расследование по поводу появившегося воззвания к студентам Политехнического института от 7 ноября 1902 года, подписанного "Организационный комитет С.-Петербургского Политехнического института".

По моему мнению, деканов и профессора — заведующего студентами, ни состояние студентов института, ни общее настроение, царящее в их среде, не дают никакого основания думать, что воззвание исходит из их среды, ни тем более предполагать, что в институте образовался организационный комитет для пропаганды революционных идей среди товарищей.

Когда появилось воззвание и стало известно его содержание, ни в ком из членов Правления, находящихся в постоянных сношениях со студентами, не возникло сомнения в том, что воззвание это исходит от лиц, институту посторонних, и что выпущено оно и направлено в институт, как попытка оказать известное влияние и давление на его студентов. В пользу этого заключения говорит и тот факт, что воззвание, обращаясь собственно к студентам института, первоначальное распространение получило в Петербурге и появилось в институте несколькими днями позже. Подобный способ распространения воззвания, раньше чем оно попадает непосредственно к студентам, к которым оно обращается, практиковался и в былые годы с целью при помощи слухов, доходящих до студентов, возбудить их умы и заставить более нервно отнестись к воззванию.

Воззвание появилось в институте в половине ноября, в самом ограниченном числе экземпляров. Есть студенты, которые, несмотря на жизнь в обществе, и по настоящее время его не видели. Успеха среди студентов оно не имело никакого: оно явно попало не в тон и в настоящее время забыто. Самое отношение студентов института к появившемуся в их среде воззванию революционного характера показывает, что в настоящее время нет достаточной почвы для революционной пропаганды. Настроение студентов самое спокойное, интерес их сосредотачивается на учебном деле.

Главное расследование по вопросу о появлении воззвания, не повлекшему за собой никаких последствий и студентами забытому, признано членами Правления безусловно нежелательным. Подобное расследование в форме опроса всех или части студентов положительного результата дать не может, самый же факт опроса нарушит спокойное состояние духа студентов, вызовет среди них брожение и может служить лишь распространению тех идей, с которыми мы призваны бороться.

Разделяя вполне изложенные взгляды Правления, находясь ежедневно в сношениях со студентами, следя внимательно за их занятиями, и лично имея глубокое убеждение, что подвергать студентов института какому-либо опросу было бы и бессмысленно и несправедливо. Свидетельствую это с тем боль-

шим правом, что это мнение разделяет и профессор — заведующий студентами, в лице которого я имею добросовестного и энергичного товарища — помощника, серьезно владеющего академическими интересами вверенного мне института”.

Подписал: директор князь А.Г. ГАГАРИН

М.Ф.

Копия

Директор
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА.

Его высокопревосходительству
господину Министру финансов

Санкт-Петербург.

7 марта 1903 года.

«Вчера значительное число студентов, живущих в общежитии, собрались в столовой после вечернего чая, начали разговор о событиях, размышлявшихся за последнее время в стенах высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

Разговор, насколько мне известно, касался фактической стороны дела, но в конце концов было принято предложение «выразить слушателям Женских медицинских курсов сочувствие по поводу недоразумений, возникших у них на почве “исключительно академической”».

Не придавая серьезного значения происшедшему, так как студенты, живя в одном и том же общежитии, весьма часто собираются и ведут общие разговоры, что весьма естественно, я, тем не менее, считаю своим долгом немедленно довести до сведения вашего высокопревосходительства об указанном выше факте, исключительно ввиду переживаемого в настоящее время другими учебными заведениями.

При этом считаю нужным добавить, что течение академической жизни вверенного мне института до настоящего времени ничем и ни в малейшей степени не нарушено».

Подписал: директор князь А.Г. ГАГАРИН

Вот вторая моя речь студентам, произнесенная при открытии второго курса в Санкт-Петербургском Политехническом институте сентября 1903 года.

«Милостивые государи!

Приветствую вас с открытием второго учебного года. Прошлый год прошел при большом шнениии профессуры и в сергечном и живом применении ее правильно вндерить в вас знания. Я вам, господа студенты II курса, могу сказать, тарались. Надеюсь, что и I курсе не отстанет.

В наших глазах вы рабочая сила: будущность и надежда России. Но вы еще ничего дать не спели. Ценными работниками вы сделаетесь, когда дадите самостоятельные результаты здешнего обучения, другими словами, когда вас станут оценивать не на основании того, чему Вы здесь учились, а на основании того, что вы сумеете сделать. Россия всегда была великая держава не только размерами, но единением ее сил: на общей деле, которое наши предки называли ГОСУДАРЕВЫМ делом. Но наша общая же сил пор слабая сторона — мало развитая личность, тогда как в деле, к которому мы призваны, именно личность-то и нужна. Личность отличается тем, что действует сознательно, не подкажательно и не поддается гипнозу толпы, в которой уровень каждого быстро понижается. Главная ваша задача заключается в том, чтобы

трезво изучать природу и пользоваться драгоценным временем для детальной работы. По теперешним временам только постоянной накопляющейся работой Россия может бороться с Европой, которая старается заполнить наши рынки своими произведениями. Никогда не откладывайте работы до времени, когда наступит особое расположение к ней. Дело не жлет. Задача следует за задачей. На одном американском заводе я видел крупную надпись: “Если нужно сделать дело — делай его сейчас же”. Всегда держитесь этого правила, помня, что отложенное дело может оказаться невыполненным к ущербу для общей задачи. Внутри себя будьте дисциплинированы, внушайте к себе уважение, изучайте и цените работу других, а тем более работу лиц, поставленных вашими руководителями и профессорами, которые и стали профессорами и руководителями, потому что они много и хорошо работали. При затруднениях по-прежнему обращайтесь к нам с доверием. Вам будут розданы правила, общие для всех. Умейте подчиняться их требованиям; только человек, умеющий сам подчиняться требованиям закона, имеет право и может впоследствии требовать от других уважения к нему».

Черновик моей речи перед началом занятий осенью 1904 года случайно не сохранился. Смысл ее не выходит из программы приведенных речей.

Осенью 1904 года, при Министре внутренних дел Святославе Мирском, некоторые представители земств собирались на частной квартире для обсуждения и сокращения выходов из современного тяжелого состояния России.

Вся Россия прислушивалась, подвизалась. И у нас уже 2 ноября 1904 года собралась, без извещения и моего разрешения, вечеринка в обществе, на которой оказалось 397 присутствующих, в том числе около 150 человек посторонних. Обо всем я на следующий день доложил Министру финансов — Коковцову, который сказал, что его возмущает мое бездействие власти, что я должен был идти в общество, запретить двери в столовую, быть готовым перенести лобов и шакалы, но исполнить свой долг, сказать, что вечер не разрешен и предложить выйти на улицу и разойтись.

Когда я сказал, что был оповещен о вечеринке одним студентом, министр сказал, что он в Лисье был бы о такой вечеринке оповещен большинством студентов. И в том, что в своем влиянии на студентов не достиг того, чтобы пришло ко мне возмущенное большинство, а пришел один, и в этом Коковцов видел мое бездействие власти. Министр затем, 5 ноября 1904 года, собрал членов Совета в институте. На этом заседании профессор Иванков сказал следующее: "С тем, что директор института должен бы был принять и такие меры, результатом которых могло бы быть оскорбление директора, никак не могу согласиться с г. министром. Князь А.Г. Гагарин воздержит лобовью и глубоким уважением как преподавателей, так и студентов. При возбужденном настроении собравшейся массы студентов эмоциональные свойства психологии толпы могли на минуту заглушить добрые чувства студентов к своему директору. И странно подумать даже, а не только пережить, если бы совершилось оскорбление князя А.Г. Гагарина. Оскорбление такого директора легко бы восмысливаемым путем на Политехнический институт. Не скоро бы освобождались студенты от предрассудка к нам просвещенной части общества. Нет, мы, присутствующие здесь члены Совета, глубоко признательны нашему председателю за его целесообразный, тактичный образ действий, за то, что он, как в данном случае, так и в других — никогда не вызвал в массе потери душевного равновесия, не вызвал ее на эсперсы. Поэтому, странно даже подумать о возможности оскорбления со стороны студентов князя А.Г. Гагарина, — и в таком нашем отношении к этому явлению мы, члены Совета, решительно размыслимся с мыслями и чувствами г. Министра".

С этими доводами г. Министр тогда согласился и о моем бездействии власти больше не говорил.

В упомянутом заседании Министру много пришлось выслушать и от других членов Совета,

и он ушел, ничего не достигнув. "Промонажили меня", сказал он мне потом. Одно только несомненно верно было в данном поведении Министра, это то, что он, совершенно расхоронив во издах с Советом, сам попробовав, старался перевести Совет на свою точку зрения, что начинающаяся "революция ничто иное, как пена, искусственно возбуждаемая профессорами" и сам увидел, что в вопросе существует много трудностей. Вскоре личный опыт с подчиненными в министерстве еще раз подтвердил Коковцову, что, только близко зная и любя, можно удержать и достигать порядка. Но из уроков он себе усваивал другую мораль, именно: "надо быть решительнее". Вслед затем г. Министр предложил Совету пересмотреть правила студентов, а Совет сам от себя в ноябре 1904 года постановил, в дополнение, составить инструкцию для профессора — заведующего студентами.

Первое действительное волнение, испытанное институтом, было 29 ноября 1904 года. Революция землем ходила в городе по рукам и вызвала манифестацию на Невском 28 ноября 1904 года. На ней арестовали нашего студента Саруханова с красным флагом: "Долой войну", а на следующий вечер пришли принести обмыск в общество. Обмыск не нашли возможным сделать, студентов конвоировали, исполнили. Я спас помощника пристава Чижова от оскорбления и лобова, в нем возбужденные студенты признали одного из "рациональных" манифестацию на Невском накануне.

Протокол ЧИЖОВА

-1904 года, ноября 29-го дня, в 10 часов 30 минут вечера, вследствие ордера Охранного отделения сего числа, я, помощник пристава Лесного участка — коллежский жесор Чижов — прибыл в Санкт-Петербургский Политехнический институт для выемки из № 182 общежития, занимаемого студентом названного института Амбарцумом Макаровым Сарухановым. Войдя в швейцарскую общежития вместе с местным околочным Фофакимом, которому приказал обеспечить начальство института по телефону с просьбой прибыть в общежитие, Фофакин ждал в поминавануюсь тут же телефонную коннату, а же остался в швейцарской, куда мало-помалу стали собираться студенты, крайне недовольные моим посещением. В это время князь профессор — заведующий студентами — А.П. Фан-дер-Флит, и, видя возбужденную толпу студентов, просил отправиться к директору института — князю А.Г. Гагарину, которого мы встретили на дворе и снова направилась в общежитие: я, князь Гагарин — директор института, заведующий студентами Фан-дер-Флит и околочный надиртель Фофакин, но встречи были толпой возбужденных студентов, которые кричали: "Долой полицию", потушили электричество в коридоре

и старались отослать меня от директора института, и только благодаря директору — князю А.Г. Гагарину, который взял меня под руку, и благодаря только этой мере я с князем и заведующим студентами А.П. Фан-дер-Флитом мог войти в № 182, но закрыть дверь нам не удалось, так как толпа ворвалась в номер. Звонким криком, зажженное кинжалом в номере, было немедленно потушено и образовалась полная темнота, причем раздавались крики: "Уходите подобру", свистки, крики, так что ничего нельзя было разобрать". Князь А.Г. Гагарин обращаясь к толпе с увещаниями неоднократно, но все было тщетно. При полной темноте и окруженные толпою крайне возбужденных студентов, мы нашли невозможным произвести обыск и принуждены были удалиться».

Подписали: Чижов, князь А.Г. Гагарин и А.П. Фан-дер-Флит.

С трудом удалось успокоить студентов. Всего более тут помогло Министр финансов Кокочев тем, что договорился с проначальником Фулдоном, чтобы обысков не делали, а буде по недоразумению обыск состоится, Кокочев разрешит мне его именем объявить полиции, что ей запрещено входить на территорию института.

Извлечение из протокола экстренных заседаний Совета Санкт-Петербургского Политехнического института от 30 ноября и 1 декабря 1904 года

"Войдя в обсуждение событий, имевших место 29 и 30 ноября сего года, Совет усмотрел, что поведение помощника пристава в здании общежития при описанных в протоколе обстоятельствах вызвало в студентах столь сильное возбуждение, что произвести обыск оказалось невозможным. И следующий затем день студенты, в ожидании нового появления полиции в здании общежития, находились в крайне взволнованном состоянии. Дойдя до высшей степени своего напряжения, в половине дня 30 ноября, возбуждение студентов выразилось в частичном прекращении занятий в последующие часы и в демонстративной прогулке в пределах институтской территории и за ее чертой. Возбуждение, однако, немедленно улеглось, как только студентам было передано г. директором успокоительное известие о том, что Санкт-Петербургский проначальник дал обещание не производить нового обыска и полицию на территорию института не посылать, а г. Министр финансов уполномочил г. директора, буде он признает это необходимым, отказать полиции в своем согласии на производство обыска в институтских зданиях. Получив это заверение, студенты, сильно утомленные предыдущей бессонной ночью, проведенной в ожидании каких-либо новых действий по-

лиции, спокойно разошлись по своим комнатам, а с утра 1 декабря занятия пошли своим обычным ходом. Нет никакого сомнения, что если бы полиция настояла на производстве обыска в общежитии, то при крайне возбужденном настроении студентов это привело бы к крупным волнениям, которые в конце концов могли бы повлечь за собою весьма серьезные осложнения. В особенности, если бы было осуществлено предложение Охранного отделения о посылке в институт батальона пехоты, то несла бы произойти ничем непоправимое несчастье. Имея в виду, что на Совете лежит забота об сохранении внутреннего порядка в институте и что на эту обязанность Совет еще недавно указывал г. Министр финансов, в своем предлодении на имя г. директора института, от 11 ноября за № 6908.

Совет по поводу описанного частного случая не мог не остановиться на выяснении тех условий, при наличии которых нарушается спокойное течение академической жизни. История студенческих волнений за последние 40—50 лет показывает с несомненностью, что волнения эти являются лишь отголоском настроения и запросов широких слоев общества. Волнения по разным местным случайным поводам, они одинаково охватывают высшие учебные заведения, независимо от их внутреннего строя. Ни академическая свобода в той или другой степени, ни строгий полицейский режим не могли уберечь наши университеты и другие высшие учебные заведения от студенческих волнений. Даже учреждения, поставленные в столь благоприятные условия, как Санкт-Петербургский Политехнический институт, не составляют исключения. Они не могли противостоять общему течению — той волне, которая на своем пути захватывает остальные учебные заведения. В борьбе со студенческими беспорядками правительство принимало разнообразные меры, как более мягкие, так и более строгие, как педагогические, так и полицейские. На практике все эти меры оказывались одинаково бессильными устранить зло, причем более суровые меры не только не приносили пользы, но даже вели к дальнейшему обострению положения. Так, за правительственными мероприятиями 1899—1900 годов последовали, как известно, массовые студенческие беспорядки, принявшие местами небывалые по своей остроте формы. Ввиду вышесказанного Совет высказывает свое глубокое убеждение, что не местные академические причины, но все условия нашего государственного и общественного строя вызывают те нарушения нормального течения учебных занятий, которые приобрели трагический характер. Студенческие волнения являются неизбежным спутником современных государственных и общественных условий России, при той степени политического развития, которого в настоящее время достигло русское общество. Устранить студенческие

волнения не в силах школьная регламентация жизни высших учебных заведений, так как даже при отсутствии всяких поводов к волнениям в местных академических условиях то или другое явление, возникающее на почве общего строя нашей государственной жизни, всегда может неожиданно заронить искру в восприимчивую и многочисленную ученическую молодежь. Отражая политические настроения окружающей общественной среды, академическая молодежь, как таковая, отдавая этим настроениям с большою непосредственностью и силой, потому умиротворение общественной среды должно быть положено в основу умиротворения академической жизни.

Исходя из всего изложенного, Совет считает нравственным долгом заявить, что в высшей школе России настоятельной и всеобщей необходимостью является в настоящее время установление такого правового порядка, который, соответствуя общественному правосознанию, гарантировал бы неприкосновенность личности и жилища каждого гражданина, свободу печати и собраний, равенство всех, независимо от сословия, национальных, вероисповедных и иных различий перед одним, равнообязательным для всех, законом. Необходимым условием, а также и единственной гарантией такого правового порядка является широкое участие свободной избранной народной представительств в осуществлении законодательной власти и в контроле над деятельностью администрации. Совет твердо убежден, что лишь при установлении нас правового строя, покоящегося на неизменных гарантиях основного закона, учащие и учащиеся в высших учебных заведениях получат, наконец, возможность отдать всецело свои силы научной работе на благо родной страны*.

Работа вновь пошла и шла прекрасно до самых рождественских каникул. Каникулы наступили, занятия должны были возобновиться 15 января 1905 года. Студентов было всего человек 30, не имея возможности уехать куда-нибудь на праздники, когда произошло страшное 9 января 1905 года и когда был случайно убит совершенно невинный наш студент Савицкий. Максимилиановская лечебница выдала мне его тело, и институт с частью его сгорел без свидетелей и без вмешательства полиции. Паникады, ужасное горе матери и брата потрясавшие действовали на присутствующих, в особенности на молодежь. Совет видел, что в такую минуту создавать студентов не время и что нельзя возобновить занятия. Совет решил продлить каникулы до 15 февраля и по месту отпуска оповестить о том каждого студента. Таким образом Совет удержал всю массу студентов издан от тяжелых событий и спас много молодых жизней. В посторонних кругах это мудрое решение Совета не было понято, и наша профессура просила за забастовщиков и революционеров.

15 февраля приближалось. В других высших учебных заведениях занятия были официально открыты, но там шел хаос, там студентами была объявлена всеобщая забастовка до осени 1905 года. Только наши студенты за отсутствием не бастовали и среди них в обязательном общежитии не был допущен разлад с возобновлением на почве занятий. Совет решил не возобновлять занятия до осени 1905 года. Патристические побуждения, коими тогда руководился Совет, и тяжелое обязательство, какое он на себя возложил, видны из приводимой выписки из протокола Совета:

В заседании 7 и 8 февраля 1905 года (протокол № 4) Совет принял следующее заключение: "В постановлении от 30 ноября 1904 года Совет высказал, что студенческие волнения вызываются причинами, лежащими вне академической жизни. Январские события в полной мере подтвердили взгляд Совета. Одно за другим высшие учебные заведения всей России вынуждены были приостановить занятия. Санкт-Петербургский Политехнический институт ввиду общего положения дел и обстоятельств, специально его касающихся, должен был отложить учебные занятия на неопределенное время. Причем сроком возобновления их намечалось 15 февраля. Срок этот приближается теперь, и Совет вновь стоит перед вопросом — возможно ли начать занятия или нет.

С 10 января во многих высших учебных заведениях имели место сходки, на которых студенты высказались по вопросу о возобновлении занятий в текущем полугодии. С полным единодушием они посылку принимали решение не присутствовать к занятиям ранее 1 сентября. Это единодушье учащейся молодежи дает основание утверждать, что студенты Санкт-Петербургского Политехнического института примут такое же решение, тем более что их настроение будет в высшей мере приподнятым. Связанный со всею частью России в числе свыше 700 человек, она принесет за собою множество личных впечатлений, рассказы о которых послужат богатой пищей для умов и без того возбужденных. Особенности Санкт-Петербургского Политехнического института, студенты которого помещаются в общежитии, сделают положение еще более обостренным. Нельзя также упускать из виду, что до настоящего времени в Санкт-Петербурге безопасность и даже жизнь студента не может считаться вполне обеспеченной. Доказательством этого может служить ходатайство г. ректора Санкт-Петербургского университета перед г. Министром народного просвещения о защите студентов от нападения на улицах; продолжающиеся однако нападения вынуждают студентов Санкт-Петербургского Политехнического института, живущих в Санкт-Петербурге, обра-

заться к директору за разрешением не носить форменной одежды.

Если при таких обстоятельствах Совет примет решение возобновить занятия и советник изложивших в отпуске студентов, то последние поспедадут сейчас же собраться на сходку для обсуждения своего отношения к постановлению Совета. Можно предсказать, что и студенты Санкт-Петербургского Политехнического института выскажутся против возобновления учебных занятий. Оставаясь последовательным, Совет должен будет настаивать на начале занятий. Это создаст тяжелый раскол между учащими и учащимися и поставит Совет в необходимость или отказаться под давлением студентов от принятого решения, или прибегнуть к мерам административной репрессии, идущим вразрез с педагогическими принципами и достоинством Совета. Положение станет еще тягостнее, если среди учащихся образуется меньшинство, которое, вопреки общему настроению студентов, повелевает продолжать учебные занятия во что бы то ни стало. Это вызовет распад, который может проявиться в весьма опасных формах, в особенности если большинство прибегнет к obstruction. При таких условиях для продолжения занятий понадобятся особые меры охраны меньшинства, а против большинства придется применять карательные меры, которые могут быть еще усилены административной властью, стоящей вне института и чуждой интересам учебного дела. Если этим путем и удастся возобновить нынешний порядок, то это нанесет непоправимый удар научному преподаванию, и в институте создастся такая тяжелая атмосфера, при которой будут происходить не учебные занятия, а лишь формальное отбывание обязанностей и студентами и преподавателями. Такое ведение учебных занятий по существу невозможно в высшем учебном заведении и будет к тому же совершенно непроизводительным.

Ввиду этого Совет приходит к заключению, что приступить к занятиям 13 февраля нельзя и что нет никакой надежды на возможность возобновления их в ближайшем будущем при существующем возбужденном состоянии общества в обусловленном им настроении студентов. Дальнейшее сокращение учебного полугодия Совет признает недопустимым ввиду невозможности выполнить учебные планы в установленном объеме и вынужден примириться с необходимостью отменить занятия в текущем полугодии. Вполне сознавая, что такая приостановка учебных занятий является общественным бедствием, он видит, однако, в ней единственный выход, предотвращающий еще большее зло.

Решаясь на эту меру, Совет считает нужным войти в обсуждение последствий, которые неизбежно вытекают из того обстоятельства, что

в текущем учебном году не будет перевода студентов с курса на курс. Стремясь к тому, чтобы для находящегося ныне в институте студентов перерыв занятий не повлек за собой ущерба в научной подготовке, даваемой институтом, и, вместе с тем, не был сопряжен с потерей целого учебного года, Совет полагает начать осенью преподавание для них с той части курса, на которой оно остановилось в декабре 1904 года; повторение курса было бы излишним, так как в течение всего осеннего семестра 1904/1905 академического года занятия студентов шли весьма успешно. При этом Совет, не желая приносить в жертву интересы молодых людей, окончивающих в текущем году курс средних учебных заведений, признает возможным произвести прием новых студентов нормальным порядком, по примеру прошлого года. Для осуществления изложенных предположений потребуются усиленная работа всего преподавательского персонала в течение нескольких ближайших полугодий и проведение некоторых изменений в принятую институтом систему преподавания. Подробные соображения по сему вопросу имеют быть разработаны Советом и своевременно представлены г. Министру финансов.

Принимая во внимание: 1) настроение значительного большинства студентов всех высших учебных заведений, среди которых студенты Санкт-Петербургского Политехнического института не могут составить исключение; 2) неизбежность, в случае возобновления занятий, студенческих волнений и возможность административных репрессий, — Совет признает нормальное и спокойное течение занятий при современных условиях академической и общественной жизни невозможным. Особою озабоченность охрана института от тяжелых потрясений, а студентов от серьезных жертв, и признавая своим нравственным долгом принять меры к тому, чтобы не был закрыт доступ в институт молодым людям, окончивающим курс средних учебных заведений в текущем году, Совет единогласно постановил:

- 1) в текущем году учебных занятий в институте не возобновлять;
- 2) произвести нормальный прием новых студентов на I курс по примыру прежних лет;
- 3) приступить к выработке необходимых для того временных изменений учебных планов и способов их выполнения, предложив отделением теперь же занятию предварительной разработки этого вопроса".

Опять только те, кто близок к институту, правильно поняли мысли Совета. Мнение, что профессора бастуют, что им надо прекратить выдачу жалования, было ложное.

(Продолжение следует)